

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

УСПЕТЬ РАНЬШЕ

СМЕРТИ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Успеть раньше смерти
Серия «Полковник Гуров»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=288002

Николай Леонов, Алексей Макеев. Успеть раньше смерти: Эксмо;

Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40148-2

Аннотация

Хорошо гостить в российской глубинке у всемирно известного художника Булавина! Свежий сельский воздух, изысканный стол, хорошие напитки, беседы о высоком искусстве... Полковник Гуров о таком отдыхе и мечтать не мог. Но что вдруг случилось? Почему в усадьбе художника без видимой причины начали происходить странные, а порой необъяснимые и опасные события? Загадочные тени в саду, каменное надгробье на кладбище с высеченным на нем именем художника Булавина – это только первые следы чьей-то нехорошей шутки. Отважному полковнику из МУРа еще не приходилось сталкиваться с бесплотной нечистью, и все же он отлично знает, что у всякой нечисти – самое земное происхождение...

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	38
ГЛАВА 4	54
ГЛАВА 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Николай Леонов, Алексей Макеев

Успеть раньше смерти

ГЛАВА 1

Зашуршала листва, раздвинулись тяжелые ветви, и сквозь высокие кусты дикого орешника протиснулся поджарый среднего роста мужчина, одетый по-дорожному – короткая матерчатая куртка неопределенного цвета и заношенные джинсы. Был он сильно загорелым, коротко стриженным, с упрямым квадратным подбородком и белесыми, ничего не выражающими глазами. На плече у него висела большая, почти квадратная сумка на длинном ремне, похожая на кожаный футляр для какой-то дорогой аппаратуры. Судя по тому, как был натянут ремень, весила сумка немало, однако ее владелец нес груз без видимого напряжения, а стало быть, силенок у него хватало. Выбравшись на свободное место, человек огляделся по сторонам и покачал головой. Что означал этот жест – одобрение или неудовольствие, – сказать было трудно – на лице мужчины не отразилось никаких эмоций.

Была середина дня. Солнце пекло во всю мочь. Его жаркие лучи пробивались сквозь кроны деревьев и разрисовывали

вали дорожки между могилами кружевными узорами. В горячем воздухе лениво зудели крылатые насекомые.

Да, это было кладбище. Старое запущенное кладбище, заросшее травой, кустарником и раскидистыми трухлявыми деревьями, которые были высажены здесь, наверное, лет сто назад. Люди, покоящиеся под старыми могильными плитами, умерли давным-давно и были всеми забыты. Покосившиеся, ушедшие в землю оградки, усыпанные мусором и палой листвой могильные холмики, стертые и забитые грязью надписи, поросшие буйной травой дорожки – все словно еще раз напоминало о забвении и тщете бытия. Но на прищельца с дорогой сумкой этот печальный пейзаж, кажется, не произвел сильного впечатления. Спокойно оглядевшись и что-то прикинув в уме, он выбрал направление (одна дорожка показалась ему более утоптанной, нежели другие) и неторопливо зашагал мимо заброшенных захоронений, иногда с любопытством читая сохранившиеся на могильных камнях надписи. Кладбище действительно было очень старое. Попадались могилы, на которых даты рождения начинались с цифры «18»...

Мужчина прошел около ста метров, петляя между могил и вдруг вышел на относительно свободное пространство – что-то вроде поляны, окруженной со всех сторон старыми, клонящимися к земле вязами. В центре на серой гранитной плите под лучами полуденного солнца восседали четверо подростков на вид лет семнадцати, прямо на могиле курившие

и распивавшие пиво. У ног их уже валялось не менее десятка пустых бутылок. Они громко разговаривали между собой неприятными ломающимися голосами и не сразу заметили появление нового человека.

Мужчина остановился возле трухлявого дерева и с интересом уставился на теплую компанию. Он уже сообразил, что курят подростки не простые сигареты, а марихуану, анашу, или попросту «дурь».

Любого другого такая встреча в глухом уголке, по крайней мере, смутила бы, но, похоже, мужчину она не взволновала нисколько. Он продолжал наблюдать за подростками до тех пор, пока они сами не обнаружили, что уже не одни. Резко оборвав беседу, они разом обернулись и уставились на незнакомца шалыми бесстрашными глазами.

Были подростки как на подбор худыми, костлявыми, неважно одетыми. Коноводил в компании, по-видимому, черноволосый остроскулый парень, в лице которого было что-то неуловимо-восточное. Он был покрепче и, судя по всему, порешительнее всех остальных. Хотя видя свое численное преимущество, все парни в компании с самого начала повели себя очень нагло.

– Гляди, Штырь, к нам гости! – развязно объявил белокурый розовощекий парнишка, который казался поупитаннее остальных. – Красная Шапочка, наверное. Видал, сумка? Там, наверное, пирожки!

– С маком, – неожиданно вставил третий, и вся команда

многозначительно захохотала, перемигиваясь.

Отсмеявшись, скуластый и чернявый парень, которого называли Штырем, повелительно махнул рукой и крикнул:

– Эй, лошок, гребь сюда, показывай, чего у тебя в торбе!

– Сядь на пенек, съешь пирожок! – продолжил сказочную тему белокурый, снова закатываясь в безудержном хохоте.

Остальные поддержали его – совсем хилый мальчишка с сальными волосами, который сострил насчет пирожков с маком, и еще один, с простым беззлобным лицом, которого в другом месте и в другое время можно было бы принять за твердого троечника и примерного сына.

– Давай, чего там у тебя в торбе! – загомонили все наперебой. Слово им понравилось, и каждый старался повторить его несколько раз. – Оглох, что ли, лошара?

Мужчина смотрел на них, слегка улыбаясь, и не двигался, дожидаясь, пока стихнет гомон. Потом сказал негромко:

– Вы, молодые люди, сильно неправы, если считаете меня лохом. Но особенно вы неправы, если считаете, что имеете отношение к моей сумке. Моя сумка – это моя частная собственность, а частная собственность священна, не так ли?

– Вот это гонит! Профессор! – снова загалдел белокурый. – Священна! Торба его! Вообще отпад! Чего у него там? Иконы, что ли? Иконы нам сгодятся! Тащи сюда, мы верующие... это, как его... зацерковленные, вот!

– Я вижу, вы сильно обкурились, ребята, – неодобрительно заметил мужчина, ничуть не обескураженный таким при-

емом. – А в вашем возрасте подобные забавы – совершенно лишнее. Поверьте моему опыту. Вам куда больше пригодились бы занятия спортом, какие-то производственные навыки. Руками-то умеете работать? Или забить косячок – это ваш предел?

– Ты гляди, Штырь, а он точно профессор! Лечит нас, лечит, хотя кто его просит нас лечить? Может, покажем ему, как мы умеем руками работать? – с угрозой в голосе сказал белокурый.

– Заглохни, Свин! – властно отозвался Штырь. – Сейчас разберемся!

На него явно произвело впечатление то спокойствие, которое исходило от незнакомца. Штырь по-прежнему считал, что имеет перевес в силе, но тоже решил изобразить из себя крутого мужика, который привык использовать в качестве главного аргумента веское слово.

– Слышь, ты! – сказал он незнакомцу. – Я тебе объясняю фишку. Короче, ты сейчас на нашей территории, ясно? Это вот кладбище, оно, короче, наше. Мы тут хозяева, понял? А я самый главный. Никто без нашего разрешения не может здесь находиться. А кто нарушил правила, тот платит штраф. Можешь сам выбирать – или откупиться, или отметелим так, что дороже обойдется. Будешь всю жизнь на докторов работать. Мы не шутим. Все по-взрослому. Тебе решать.

Штырь говорил очень внушительно, и вся его компания взирала на него с восхищением. Они точно знали, что все

это не шутка, и, видимо, уже неоднократно имели возможность убедиться в своем могуществе. Они все и сейчас были убеждены, что впереди их ожидают легкая победа и неплохая добыча. Штырю и самому нравилось, как он держался. Вот только незнакомец слегка испортил ему триумф.

– Крутые вы ребята, – с едва уловимой насмешкой сказал мужчина. – Но не очень образованные. Наверное, даже и пословиц не знаете. Ни разу не слышали поговорку про то, что кусок нужно откусывать такой, чтобы можно было проглотить? На этот раз вы захавали многовато. Поперхнетесь, это я вам гарантирую. Вот что бывает, когда мозги с детства «дурыю» накачивают. Сохнут мозги-то...

– Ну, короче, харэ базарить! – с великолепной ленцой в голосе сказал Штырь, поднимаясь с могильного камня. – Пошли, пацаны! Надо гостя встретить, как полагается. А то уйдет от нас и будет всем рассказывать, что его плохо тут приняли.

Остальные тут же вскочили, как по команде, и стали медленно наступать на мужчину. Штырь опасался, что их противник в последний момент шмыгнет в заросли и придется тогда гоняться за ним по всему кладбищу. Поэтому до конца он стиль не выдержал, сорвался с места и, раздувая ноздри, бросился на мужчину. Его приятели, дико заорав, тоже побежали.

Хорошенько разбежавшись, Штырь подпрыгнул и выбросил вперед длинную кривоватую ногу, обутую в старые крос-

совки с разлохмаченными шнурками. Он уже видел и чувствовал, как носок кроссовки врежется в квадратную челюсть мужика и выворачивает ее из суставов, а сам мужик, вопя от боли, катается по земле и умоляет о пощаде. Но пощады уже не будет, злорадно подумал про себя Штырь – раньше надо было умолять. Он чувствовал удивительную легкость в теле, вызванную наркотиком, и казался себе опасной, хищной птицей, набрасывающейся на добычу, впивающейся острыми когтями в горячую окровавленную плоть...

Однако в реальности его «когти» совершенно неожиданно провалились в пустоту. И сокрушительный прыжок каратиста получился не опаснее балетного па. Прежде чем Штырь успел нанести удар, его жертва успела сделать сразу несколько едва уловимых движений, мгновенно изменивших всю ситуацию на залитой солнцем площадке.

Ремень сумки будто сам собой соскользнул с плеча мужчины. Он самую малость отступил в сторону и, уклонившись таким образом от удара Штыря, поймал в воздухе его ноги, придав им еще больший угол вращения. Штырь почти перевернулся задом через голову и, совершенно потеряв контроль над своим телом, тяжело рухнул на землю, едва не сломав шейные позвонки. Боль от падения была так сильна, что на пару минут Штырь потерял всякую способность соображать. Так и не поняв, что произошло, он просто упал, как бревно, и затих.

Его обкуренные приятели тоже не сразу опомнились. С

воинственными криками они мчались на врага, и падение главаря еще не отложилось как следует в их воспаленном сознании. Они жаждали крови и были уверены, что вторым способны пустить ее любому. Первым летел парнишка, похожий на примерного, не хватающего с неба звезд сына. Правда, сейчас это сходство куда-то пропало. Это был зверек, охваченный азартом охоты. За ним поспешал коротышка, особенно злой, как бывают злыми только коротышки. И чуть поодаль держался белокурый Свин, который из всей компании обладал самым рациональным умом и по мере возможности берег свою физиономию.

Мужчина не стал ждать, пока до него добегут. Он вдруг сделал шаг навстречу и очень профессионально врезал бегущему первым парню с левой. Бил он в солнечное сплетение, наверняка, и удар этот был последним в этой схватке. Мальчишка даже не вскрикнул. Налетев на железный кулак, он сложился от боли, упал на землю и покатился по траве, совершенно беспомощный и несчастный. Бежавшие за ним ребята, наконец, сообразили, что дело пахнет керосином и как-то совершенно естественно бросились в разные стороны. Оказывается, переключаться с наглого нападения на безудержное бегство было для них совсем не внове.

Мужчина больше не дрался. Он лишь успел зацепить ногу улепетывающего коротышки, и тот, обдирая колени и локти о расколотую гранитную плиту, очень неудачно приземлился на одну из заброшенных могил. Пока он корчился там от

боли, мужчина ловко подхватил с земли небольшой камень и с силой пустил его вслед белокурому парню, который уже почти скрылся в кустах на противоположном конце поляны. Камень коротко просвистел в воздухе и врезался белокурому в затылок. Тот рухнул как подкошенный, даже не издав и звука. Примолк и коротышка, который, потихоньку уползая за могилу, не сводил испуганных глаз с мужчины, обзоревающего расчистившееся поле боя. Парень видимо, надеялся скрыться за деревьями. Но мужчина заметил его маневр. Он неторопливо приблизился, присел возле сжавшегося в комок коротышки и двумя пальцами, как клещами, сдавил его побелевший от страха нос. Из ноздрей парня хлынула кровь. Он замычал, закатывая глаза и дергаясь всем телом. Однако его мучитель не позволил ему освободиться. Он некоторое время понаблюдал, как корчится его жертва, а потом негромко сказал:

– Учите пословицы, дебилы! В библиотеку запишитесь, что ли... А что касается наших с вами отношений, передай своим поделщикам, как проснутся: завидите меня еще раз, валите подальше. Второй раз так дешево не отделаетесь, понятно? Я спросил, понятно?!

Парнишка бешено загнусавил, давая понять, что ему все ясно. Мужчина отпустил коротышку, медленно вытер пальцы о его одежду и встал. Держась за свой нос, который моментально сделался круглым и синим, как слива, мальчишка опрометью бросился в кусты и исчез.

Мужчина подобрал с земли сумку и пошел через поляну. Дойдя до распростертого на земле белокурого, он задумался на секунду, а потом решительно наклонился, поставил парня на ноги и хорошенько встряхнул. Тот надрывно застонал и зашатался, как пьяный. Мужчина быстро оглянулся через плечо. Прочие участники столкновения еще не поднимались с земли. Крепко сжав локоть белокурого парня, мужчина решительно потащил его в глухие заросли. Продравшись через кусты, они оказались возле еще одного ряда могил, уходящего в тень одичавшей аллеи. Эти захоронения не выглядели слишком древними, и на многих даже сохранились металлические оградки, наполовину ушедшие в землю. На одну из таких, не имевшую острых концов, мужчина и усадил своего спутника. Розовое лицо парня было сейчас землистого цвета и казалось перекошенным от страха. Он часто моргал ресницами и то и дело ощупывал образовавшуюся на затылке шишку величиной с хорошее куриное яйцо. На мужчину он избегал смотреть. Так дикари не смеют поднять глаз на какого-нибудь могущественного колдуна. Трудно сказать, что творилось в его бедной голове, но, похоже, ничего хорошего парень уже не ждал. Бежать или сопротивляться у него просто не было сил.

– Ну так, – вдруг совсем приятельским тоном произнес мужчина. – Давай, что ли, знакомиться? Меня Виктором Дмитриевичем кличут. А тебя?

Как ни был напуган парень, такое обращение здорово его

удивило. Он вскинул на мужчину настороженные глаза, снова быстро заморгал ресницами и кое-как выдавил:

– Меня, что ли? Это самое... Меня Свин зовут...

Мужчина поморщился.

– Ну, имечко!.. Ты бы еще козлом назвался. У тебя человеческое имя имеется?

– Ага, – сказал, подумав, парень. – Меня вообще-то, это... Тоже Виктором зовут.

– О, замечательно! Так мы тезки, значит! – радостно подхватил мужчина. – Ну, видишь, как все здорово получается, если ведешь себя не по-свински, а по-человечески? Это хорошо, что у вас пока кишка тонка, малой кровью все обошлось, а то, глядишь, пришлось бы мне из вас отбивных наделать. Я понимаю, молодость у вас в жопе играет, крутыми вы себе кажетесь. Но все-таки потихоньку умнеть надо, дружище! А то однажды по-настоящему голову проломают. А ведь запасной у тебя нету?

– Вы мне и так все мозги отшибли! – мрачно сообщил Свин. – Мутит даже.

– Это еще цветочки! – легко сказал Виктор Дмитриевич. – Говорю, могли до того доиграться, что так бы и остались лежать тут, на кладбище. Подходящее место! Так что ты, тезка, на меня не обижайся. На свою глупость обижайся. Кстати, в вашем возрасте баловаться «дурью» – это тоже верный способ поглупеть. Не согласен?

– Согласен, – отводя глаза, пробубнил Свин и с надеждой

спросил: – А можно я пойду?

– Куда? Опять к своим ублюдкам? – недобро усмехнулся Виктор Дмитриевич. – Не советую. Пообщайся немного с умным человеком. Это пойдет и тебе, и мне на пользу.

– Вам-то какая польза? – удивился Свин.

– А я изо всего стараюсь извлечь пользу, – ответил Виктор Дмитриевич. – Понимаешь, я что-то вроде ученого. Интересуюсь, как живут люди, где они живут, какая у них история, какая архитектура, обычаи какие... Короче, меня все интересует. А ты, наверное, тут как рыба в воде. Вот и расскажи мне про это кладбище, например...

– А чего про него рассказывать? Жмурики тут лежат, и все. Рассказывать-то нечего. Тут уже лет пять как никого не хоронят. Говорят, что какие-то подземные воды, что ли... Но вообще по городу слух идет, что на эту землю серьезные люди глаз положили. Какая-то компания собирается здесь район целый строить. Элитный! Ну, для богатых, короче. Со всякими бассейнами, подземными парковками и все такое... Один уже вон забавал себе домик! Неслабый такой особнячок в два этажа. Забор с башнями, как на зоне. Не знаю, может, у него и часовые там стоят. Мы сначала хотели туда заглянуть, а потом Штырь сказал – не пойдем, стремно. Повязать могут.

– Почему стремно?

– Какой-то крутой там живет. Старый, но все при нем: тачка – отпад, баба – модель и вообще... Главное, у него там ко-

нюшня есть, и жеребца каждый день выгуливают. Сам видел. И этот хрыч даже как-то раз на нем катался. Ага, из него, можно сказать, песок сыплется, а он – на лошади!..

– Как зовут-то? – поинтересовался Виктор Дмитриевич как бы между делом. – И давно он этот дом построил?

– Зовут – не знаю как, – ответил Свин. – А дом не он строил. Дом другой построил, до него. Был здесь такой Валентин... Да вы не местный, что ли?

– Местный, местный, – успокоил его Виктор Дмитриевич. – Просто отсутствовал долго.

Свин вскинул голову, понимающе взглянул на мужчину.

– Срок тянули? – с уважением проговорил он.

– Любопытство не порок, – неодобрительно сказал Виктор Дмитриевич, – но лучше держать его при себе, особенно когда дело касается чьей-то биографии. Не уяснишь себе этой простой истины, будешь всю жизнь нарываться на неприятности.

– Вы же спрашиваете! – опустив голову, буркнул Свин.

– Я уже доказал свое право задавать тебе любые вопросы, – жестко сказал Виктор Дмитриевич. – Или у тебя остались какие-то сомнения? Нет? Вот и отлично. Тогда продолжим. Заметь, я не лезу в твою личную жизнь, а спрашиваю об общеизвестном. Или ты не хочешь рассказать земляку о том, как изменился его город?

– Да почему? Без проблем, – пожал плечами Свин. – Только у меня башка болит. И мысли путаются. Здорово вы мне

приложили!..

– Забудь! – повелительно сказал мужчина и полез в карман.

Он достал оттуда хрустящую пятидесятидолларовую купюру и решительно сунул ее в руку Свина.

– Держи. Это мой первый взнос за доставленное тебе беспокойство, – ухмыльнулся он. – Будут и другие. Если, конечно, найдем общий язык. А сейчас я тебя отпускаю. Только давай обменяемся номерами телефонов. Не говори мне, что у тебя нет мобилы. Сейчас они у всех есть.

Свин был озадачен, но позволил Виктору Дмитриевичу забить в память телефона свой номер. При этом как-то само собой получилось, что номера Виктора Дмитриевича он не узнал. Тот сделал вид, что забыл сообщить его по рассеянности. Свин не стал настаивать.

– Так что ты там говорил про Валентина?

– А, ну был тут у нас один крутой. Бабки греб со всего города. Его все боялись, даже милиция. А потом кто-то грохнул его вместе с корешами. Расстреляли в каком-то ресторане и вдобавок сожгли – с рестораном вместе. Ресторан тоже его был. А дом этот его жене достался по наследству. Только она все распродала и уехала куда-то. А этот старик вроде из Москвы приехал. Ему тут места понравились. Он типа художник, что ли...

– Значит, не одному ему места понравились? Говоришь, тут целый район хотят возводить?

– Ага, хотят. Только у нас тут организация объявилась. Типа защитники культурного наследия. Они говорят, что не позволят трогать кладбище. Оно, мол, представляет историческую ценность. Вроде тут даже могила какого-то белого генерала есть, героя Гражданской войны. Мы с пацанами не видели, но, может, и правда есть. Тут такие глухие места встречаются и такие древние могилки... А эта организация, мы думаем, не за культурное наследие. Просто они хотят со строителей отступные содрать побольше – так мы думаем.

– Значит, думать все-таки не разучились? – усмехнулся Виктор Дмитриевич. – Это утешает. Так что там про культурное наследие?

– Да все, – пожал плечами Свин. – Нас это не больно цепляет. Газетка у них выходит – «Хроники города» называется. Ни разу не читал.

– Ну это понятно, – с серьезным видом сказал Виктор Дмитриевич. – Читать-то вообще умеешь?

– Да уж умею! – слегка обиделся Свин. – Вы уж вообще...

– Да я просто спросил, – сказал, подмигивая Виктор Дмитриевич. – Типа шутка. Между друзьями обычное дело.

После чего новый знакомый дружески хлопнул парнишку по плечу и сообщил:

– Ну а теперь я тебя отпускаю. К голове сейчас лучше всего приложить лед. А с наркотиками завязывай, мой тебе совет. В твоём возрасте и собственной дури хватает. Зачем усугублять? И вообще, сдаётся мне, тебя ждёт очень перспек-

тивное будущее. Ты не такой, как та шпана, с которой ты водишь компанию. Не призываю тебя сразу порвать с ними, но все-таки подумай хорошенько. А я тебе как-нибудь позвоню, ладно?

Он еще раз похлопал юношу по плечу и решительно зашагал прочь. Глядя на его плотную квадратную спину и легкую, но уверенную поступь, Свин вдруг ясно осознал, какой страшной опасности удалось ему избежать. Сейчас он был совершенно уверен, что этот ловкий и сильный человек за просто мог поубивать их всех, а они свалили такого дурака, что ничего другого и не заслуживали. И одновременно в глубине души Свину было лестно, что именно его как-то выделил и приблизил к себе этот необычный мужчина. Это открывало пока неясные, но заманчивые перспективы. Пожалуй, впервые в жизни парень критически оценил компанию, в которой верховодил Штырь, и свою роль в этой компании. Роль показалась ему не слишком приглядной, и даже здоровенная шишка на затылке не могла уже ничего изменить.

А Виктор Дмитриевич тем временем удалился на значительное расстояние от места встречи с молодежью и вскоре вышел за полуразрушенную ограду старого кладбища. Почти сразу же за прозрачной порослью молодых деревьев, высаженных здесь совсем недавно, он увидел двухэтажный особняк, окруженный стеной, которая действительно напоминала крепостную. Правда, на двух ее башенках не было никаких часовых, но все равно впечатление было внуши-

тельное.

Виктор Дмитриевич остановился и с видимым одобрением осмотрел постройку.

– Ну да, – сказал он после некоторого раздумья. – Овчинка определенно стоит выделки. Будем работать.

ГЛАВА 2

Лев Иванович Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, прибыл в город Глинск по одному весьма важному, но отнюдь не служебному делу. Начальник главка генерал Орлов категорически не хотел отпускать своего лучшего опера даже на день, потому что людей, как всегда, не хватало, а дел накопилось невпроворот. Однако на этот раз генерал наступил на горло собственной песне и предоставил подчиненному целых семь дней отпуска, правда, за свой счет, но случай и без того был из ряда невероятных.

А причины такого великодушия были очень простые. Гуров просил отпуск по просьбе жены. Он должен был сопровождать ее в Глинск, куда она направлялась с визитом вежливости к одному дальнему родственнику. Он давно звал ее в гости, а она под разными предлогами уклонялась. В конце концов стало ясно, что уклоняться дальше никак невозможно, и Мария Строева (так звали жену Гурова) решила ехать.

Однако эта родственная история имела не совсем обычную подоплеку. Несмотря на родственный характер, эта встреча вполне могла рассматриваться как встреча на высшем уровне в силу особого положения ее участников.

Мария Строева была известной и любимой народом артисткой, и ее портреты частенько украшали афиши и обложки глянцевого журнала. Родственник же ее, которого зва-

ли Эраст Леопольдович Булавин, был знаменитым художником-портретистом, человеком весьма состоятельным, имеющим большие связи не только у себя в стране, но и за рубежом, а также обладающим очень непростым характером. Кем друг другу доводились эти два человека, даже они точно не знали и, строго говоря, были едва знакомы, но, видимо, обоим теперь было лестно возобновить контакт с добившимся успеха родичем. Инициатива исходила от Булавина, как от старшего, но Марии эта инициатива польстила, а Гуров отнесся к ней с пониманием. Даже он, человек, далекий от искусства, знал о прославленном живописце Булавине, которому заказывали портреты главы государств, и ему самому было интересно встретиться с таким человеком.

Все проблемы уладились неожиданно быстро. У Марии как раз выдалась свободная неделя, Гурову начальство тоже не чинило препятствий (генерал Орлов являлся большим поклонником Марии Строевой), а Булавин, недавно вернувшийся из продолжительного заграничного вояжа и обживавший приобретенный им особняк под Глинском, вообще никуда теперь не торопился. По слухам, он писал мемуары и наслаждался покоем далекого от столиц захолустья. Еще он несмотря на солидный возраст, был женат на молодой и красивой женщине, и женат как будто бы счастливо. Впрочем, прозвище Счастливчик закрепилось за Булавиным с юности. Это Гуров тоже знал. Как и то, что несмотря на немалый возраст художник увлекается верховой ездой и держит в личной

конюшне лошадей.

Мария знала о своем родственнике чуть побольше и по мере возможности просвещала Гурова. Из-за некоторых особенностей железнодорожного расписания они предпочли добираться до Глинска на собственном «Пежо» – получилось быстрее и надежнее, чем на поезде. Провожал их старый друг Гурова и его постоянный напарник полковник Крячко, человек жизнерадостный, без комплексов и большой любитель застолий. Он откровенно завидовал другу и напутствовал его следующими словами:

– Такие шишки, как этот Булавин, пьют только качественное, коллекционное виски. Так что у тебя есть шанс хорошо отвязаться, Лева! Не будь дураком и хорошенько там все продегустируй! Про то, что хорошо было бы притащить что-нибудь в клюве и другу, я не говорю – поступай, как подскажет совесть.

– Ты мне мужа с пути истинного не сбивай! – делая строгие глаза, сказала ему Мария. – Мы в Глинск не виски хлестать едем, а собираемся нанести визит вежливости. Учитывая статус хозяина, это вообще будет почти дипломатическая встреча. Так что про спиртные напитки можете забыть оба!

– Ну тогда там и делать нечего! – заявил Крячко. – Значит, приедете, поздороваетесь, по рюмочке тяпнете, откланяетесь и сразу домой – вот оптимальный вариант. А остальное тут дома наверстаем. По секрету скажу, после второй коллекци-

онный напиток от неколлекционного уже мало кто отличить может. Так что смело возвращайтесь, вы ничего не теряете!

– Стас, о чем ты говоришь? – делая страшные глаза, воскликнул Гуров. – Это же знаменитый художник! Творец!

– Ничего страшного, – хладнокровно ответил Крячко. – Мы тоже не лыком шиты – в Третьяковку заходим. А вы там все-таки не задерживайтесь. Помните, что я вас жду.

В глубине души Гуров именно этим напутствием и руководствовался. Он был настроен на скорое возвращение и рассчитывал, что прием у художника не затянется. «День-два – и домой! – планировал он мысленно. – Уверен, что этот знаменитый художник будет так чопорен и высокомерен, что Мария сама сбежит от своего родственника!»

Город Глинск лежал в уютной котловине на берегу небольшой реки. Окрестные холмы были покрыты зелеными пятнами березовых рощиц, вид которых почему-то вызывал в душе немного печальное чувство. Может быть, дело было не только в пейзаже. Среди поэтических кущ заметно выделялось мрачноватое монументальное строение – особняк и надежно огороженная территория вокруг него. Судя по описанию, которым располагали Гуров и Мария, это и было жилище именитого родственника. Они знали, что Булавин не сам строил дом, а лишь купил его, но теперь этот выбор показался им странным. Человек со вкусом (а Булавин несомненно обладал хорошим вкусом) вряд ли бы прельстился таким творением рук человеческих. При взгляде на «замок»

– именно так про себя окрестил дом художника Гуров – создавалось впечатление, что заказчик этого строения не вполне понимал, чего хочет, а просто старался поскорее вложить в строительство как можно больше денег и при этом сильно торопился. Очевидно, что его больше интересовали объемы строительства, а не эстетика и будущие удобства. Возможно, позднее он спохватился и продал дом с большим облегчением, но вот зачем это во многом нелепое здание покупал Булавин, было не совсем ясно.

Впрочем, Гуров с Марией решили, что это не их дело.

– Просто будет лишний повод поскорее вернуться домой, – с улыбкой заметил Гуров. – У нас, правда, башен и бастионов не имеется, но все равно дома лучше, как сказано в пословице.

– В самом деле, если у Эраста Леопольдовича и внутри так же мрачно, как и снаружи, то вряд ли гости могут чувствовать себя в этом обиталище комфортно, – вздохнула Мария. – Но эти великие люди всегда так своеобразны! Возможно, его прельстила именно некая трагичность, которая будто разлита здесь повсюду, и дом является для него как бы реальным воплощением этого чувства.

– По-моему, это как-то уж очень закручено, – покачал головой Гуров. – Ничего не имею против чувств, но это не мой курятник. Из опыта я знаю, что люди, как правило, руководствуются в своих поступках материальными причинами, а если дело касается больших денег, то про чувства вообще

никто не вспоминает. Поэтому думаю, что твой родственник тоже имеет какой-то особый расчет.

– Ты невыносимо прозаичен, Гуров! – снова вздохнула Мария. – Боюсь, с Эрастом вы общего языка не найдете. Тем более, я слышала, он страшно не любит милицию, КГБ и вообще... В былые времена он немного диссидентствовал, самую малость, но неприятности у него были, и, как говорится, осадок остался. Правда, тот период продолжался недолго.

– Это опять же подтверждает мою теорию, – важно сказал Гуров. – Твой Эраст Леопольдович тоже в конце концов предпочел точный расчет чувствам и не прогадал. Думаю, если бы он продолжал диссидентствовать, средств на приобретение таких мрачных построек у него не появилось бы. Но я согласен на время нашего визита сменить профессию. Хочешь, я назовусь каким-нибудь менеджером по рекламе? Или страховым агентом?

– Лучше назовись коммерческим директором фирмы игрушек, – подхватила Мария. – В этом случае прокола быть не может. Вряд ли Эраст Леопольдович интересуется игрушками, а с виду ты стопроцентный директор – представительный джентльмен с седыми висками, в прекрасно повязанном галстуке, немногословный и уверенный в себе – это то, что нужно.

– Ты настаиваешь на том, что немногословный? – поинтересовался Гуров. – Ловлю на слове. Прекрасно буду чувствовать себя в этой роли. Договорились.

Дорога разделилась на две полосы. Более широкая продолжила свое течение в сторону городского массива, а полоса поуже повернула в сторону «замка». Уже издали Гуров и Мария увидели, что ворота открыты, а еще через минуту они с тревогой проследили за выехавшей из этих ворот белой машиной с красной полосой и крестом. Лицо человека в халате на переднем сиденье промелькнуло перед ними, как бесстрастная маска древнегреческой трагедии.

– Боже, это судьба! – воскликнула Мария, прижимая в ужасе ладони к щекам. – В кои веки выбралась повидаться с родственником, и ему тут же стало плохо! Слушай, Гуров, нужно ехать за «скорой»! Наверняка они увозят Эраста!

– Не пори горячку! – посоветовал Гуров. – Понимаю твои чувства, но давай рассуждать логично. Во-первых, мы не знаем, кому стало плохо. Догадываюсь, что в таком доме одному жить тяжело. Скорее всего, тут целая толпа обитателей. И любому из них могло стать плохо. Но даже если несчастье случилось с хозяином, желательно бы сначала в этом удостовериться. Пускаться в погоню за «скорой помощью» неразумно. А если она пуста? И вообще, дорогая, мы еще не убедились, что это дом твоего родственника. Вдруг мы не туда попали?

– Сейчас мне именно этого и хочется, – в очередной раз вздохнула Мария. – Попасть не туда. Совсем невесело будет, если наш визит начнется со «скорой помощи», запаха лекарств и прочего...

– Невесело, – согласился Гуров. – Но давай все-таки по-
дождем с выводами.

Они уже въезжали в открытые ворота, как неожиданно навстречу им со скоростью стартующей ракеты вылетел огромный, зловеще отсвечивающий черным металлом внедорожник. Его радиатор показался Гурову похожим на оскаленную пасть чудовища. Гуров едва успел вывернуть руль, и они разминулись с безумным гонщиком в каких-нибудь пяти-десяти сантиметрах. Мария даже вскрикнула от ужаса.

Гуров не кричал, но ему пришлось применить всю свою сноровку, чтобы выправить машину. И все-таки ему не удалось до конца справиться с управлением – «Пежо» впритирку с воротами влетел на обширный двор, состриг крылом листву с розового куста, раскидал гравий с дорожки и клюнул синий «Шевроле», стоявший в углу площадки перед фасадом дома.

Их с Марией порядком встряхнуло, и несколько мгновений они приходили в себя. Потом Гуров посмотрел на жену и сказал смущенно:

– Хорошенькое начало! Сейчас выяснится, что это любимая машина хозяина...

– В конце концов машина почти не пострадала! – в сердцах ответила Мария. – А вот мы с тобой могли сейчас разбиться всмятку! И этот факт хозяину следовало бы учесть, когда он будет оценивать ущерб!..

– Это ты мне говоришь? – спросил Гуров.

– Ну да, я же вижу, как ты расстроен. Но я то же самое скажу и владельцу... Вон, кажется, он уже и бежит!

– Тогда давай выйдем, поздороваемся! – иронически сказал Гуров.

Они вышли из машины. Наметанным глазом Гуров сразу же оценил масштаб ущерба – царапина на заднем крыле «Шевроле» и трещина на правой фаре «Пежо» – не смертельно, но при определенных обстоятельствах способно испортить настроение. Гурову почему-то казалось, что сейчас обстоятельства складываются как раз неблагоприятно. И действительно, к ним уже кто-то спешил со всех ног. Гуров вопросительно посмотрел на жену, но она еле заметно помотала головой – это не был Булавин.

Человеку на вид было около шестидесяти лет, он был тушен, но на удивление бодр и подвижен. Сначала Гуров решил, что подвижность эта вызвана исключительно беспокойством за машину, но почти сразу выяснилось, что это не так.

– Боже мой, боже мой! Как это чудовищно! Мерзавцы! Вы могли пострадать! Ах, негодяи! Клянусь, я приму самые суровые меры! Я всех подниму на ноги! Это будет хорошим уроком всем хамам... Однако кого я вижу! Не верю своим глазам! Божественная Мария! Очаровательная волшебница, жрица Мельпомены! Добро пожаловать несмотря ни на что! Позвольте, позвольте упасть к вашим ногам!

Человек подлетел на всех парах к супругам, но падать никуда не стал, а просто с большим пылом поцеловал руку Ма-

рии и раскланялся с Гуровым.

– Вы меня не знаете, но Марию Строеву знает в подлунном мире каждый! – с большим пафосом заявил он. – Итак, вы прибыли к нам на небольшое торжество, еще раз добро пожаловать! Разрешите представиться, старинный друг и в чем-то даже наперсник Эраста Леопольдовича, Водянкин Станислав Петрович, искусствовед. Между прочим, убежденный консерватор, но всегда готов восхититься свежим талантом и красотой молодости! – последнее заявление было снова адресовано к Марии, которая немного растерялась от такого напора и только смущенно улыбалась.

Водянкин был одет в светло-серую тройку, намеренно пошитую в стиле то ли конца XIX века, то ли начала XX. Золотая часовая цепочка, ныряющая в жилетный карман, также присутствовала. Искусствовед имел пышную абсолютно седую шевелюру и украшенные здоровым румянцем щеки. Наверняка он мог похвастаться великолепным аппетитом, и не только в отношении кушаний.

– Гуров Лев Иванович, – наскоро представился Гуров и сразу же взял быка за рога. – Вы тут засыпали нас комплиментами, а мы их вряд ли заслуживаем. Видите, как неудачно припарковались? Готов немедленно возместить ущерб. Вы, случайно, не хозяин этой машины?

Искусствовед осуждающе покачал головой.

– Ах, Лев Иванович, Лев Иванович! Разве можно быть таким щепетильным? Это мы перед вами тысячу раз виноваты.

ты, потому что едва не подвели вас под монастырь. Вы же ни в чем не виноваты! Вы же видели этих мерзавцев, этих подонков, нуворишей без малейших понятий о морали и нравственности! Они готовы все сокрушать на своем пути! Но этот номер с нами не пройдет!

Он снова разгорячился, глаза его молодо засверкали. Гуров поспешил вернуть разговор в нужное русло.

– И однако мне хотелось бы уладить недоразумение, – повторил он.

– Лев Иванович! – укоризненно воскликнул Водянкин. – Прекратите! Вы – почетный гость. Какие могут быть недоразумения? Я дам распоряжение, и вашу машину приведут в порядок уже сегодня...

– Я говорю не о своей машине...

– Экий вы настырный! Чувствуется деловая хватка... Точно, предприниматель! Признайтесь, вы тоже из этих хищников, которые все в этой стране подчинили золотому тельцу?..

– Да, я коммерческий директор небольшой фирмы игрушек, – скромно сказал Гуров. – Но вряд ли я возьму на себя ответственность за всю страну...

– Это всего лишь оборот речи, – отмахнулся Водянкин. – Одним словом, забудьте о машине, и милости прошу в дом. Я познакомлю вас с остальными гостями. Все уже на месте...

Он подхватил под локоток Марию и Гурова и с большим энтузиазмом потащил их к крыльцу дома. Сам дом был под стать окружавшей его крепостной ограде – столь же мрач-

ный и неприветливый. Разыгрывающиеся здесь непонятные события только усиливали это впечатление.

– Хорошо, про машину больше не будем, – сказал на ходу Гуров. – Но объясните, ради бога, что тут у вас происходит? «Скорая помощь», какие-то адские водители... Почему мы не видим хозяина? С ним что-то случилось?

Румяное лицо Водянкина на секунду омрачилось. Он пожевал губами и также на ходу ответил:

– Это скверная история, но я надеюсь, что Эраст переберет и эту болезнь. Слегка прихватило сердечко. Но Эраст – это глыба. Он всегда преодолевал любые препятствия. Вы знаете, как он боролся в свое время с Политбюро?

– Так у него сердечный приступ? – встревоженно перебила его Мария. – Он в больнице?

– Нет-нет, Эраст, конечно же, дома! Приезжала «скорая», ему сделали несколько уколов, и сейчас он отдыхает. За ним присматривает Ирина. Святая, редкая женщина! Она обожает Эраста, и он тоже в ней души не чает. Сейчас редко можно встретить людей, так влюбленных друг в друга. Разумеется, все дело в личности Эраста. Встретившись с ним, вы поймете, какого масштаба этот человек...

– Но вы уверены, что с ним все в порядке? – снова перебила Водянкина Мария. – Может быть, лучше отменить торжества?

– Ни в коем случае! Эраст будет страшно огорчен, если нарушатся его планы. Вот увидите, он скоро придет в норму.

Да вот и он!! Я же говорил, что этого человека ничто не может сломить! Узнаю нестигаемого Эраста!

Рот Водянкина расплылся в широчайшей улыбке, и он дружески подтолкнул своих спутников навстречу мужчине, который в этот момент вышел быстрой походкой на крыльцо.

Человек этот был небольшого роста, но имел прямо-таки царственную осанку и пронзительный взгляд полководца. В отличие от своего друга Булавин не мог похвалиться пышной шевелюрой, но даже и недостаток этот он употребил себе на пользу. Его редкие волосы, гладко зачесанные назад, как нельзя лучше оттеняли высокий лоб мыслителя. Одет он был с иголочки, но не без некоторого богемного оттенка – на нем был, например, кокетливый шейный платок, а пиджак с золотыми пуговицами переливался цветом бирюзы. Следом за Булавиным шла очень красивая молодая женщина в скромном платье стального цвета и с тонкой ниточкой жемчуга на высокой шее. Ее красивое лицо еще было омрачено тревогой, но она улыбалась гостям хорошо отрепетированной голливудской улыбкой.

– Добро пожаловать! Приношу свои извинения за невежливость, – напыщенно сказал Булавин. – Но эта невежливость была невольной, поверьте. Этот тихий уголок оказался полон проблем. Молох и сюда простер свою мертвую руку... Впрочем, все это не имеет сейчас никакого значения. Я весьма рад нашей встрече! Особенно, конечно, тебе, Машенька! Увидеть тебя после стольких лет в расцвете славы, во всем

блеске красоты и таланта!.. В нашей родне мало кто сумел чего-то достичь. Эта ветвь, я бы сказал, абсолютно бесплодна. Ты тоже, помню, была гадким утенком, и я не возлагал на тебя никаких надежд. Но ты блестяще опровергла мои сомнения. Ты обворожительна, с этим невозможно спорить! Позволь же мне обнять тебя, дорогая!

После такого восторженного спича художник осторожно прижал к своей отнюдь не мускулистой груди хрупкую фигурку Марии и промокнул платочком выступившие на глазах слезы.

Гурову стало не по себе от обилия самых восторженных слов, которые произносились здесь очень громко, но звучали при этом слегка театрально, как будто принимающая сторона разыгрывала спектакль, в который исподволь включала и зрителей, не догадывающихся об истинных намерениях хозяев. Кажется, и Мария чувствовала эту легкую фальшь. Она была на редкость немногословна и ограничилась несколькими вежливыми фразами, которые впрочем произнесла с большим чувством, призвав на помощь весь свой профессионализм. Затем хозяину были вручены подарки, которые Гуров и Мария привезли с собой – диск с записью последнего фильма с Марией в главной роли и редкую курительную трубку, которую Гуров раскопал в каком-то антикварном магазине – было известно что, среди прочего Булавин коллекционирует трубки. Художник был вполне доволен или сделал вид, что доволен, еще раз расцеловал Марию и неожи-

данно отклонялся, сославшись на нездоровье. Гостей он поручил своему другу Водянкину, который, похоже, чувствовал себя в «замке» как дома.

Водянкин перезнакомил Гурова со всеми прочими гостями. Их было не слишком много, но составить цельное впечатление Гуров, естественно, ни о ком не успел. Даже род занятий большинства оставался пока неизвестен. Гуров только сумел запомнить имена каждого.

Высокого и самоуверенного черноволосого красавца, который явно изображал из себя второго Алена Делона, звали Александром Сергеевичем Волиным. Он с самого начала Гурову решительно не понравился, потому что, сохраняя внешнее приличие, тем не менее, то и дело бросал на окружающих снисходительно насмешливые взгляды, будто знал про них что-то грязное и недостойное. И Гуров и его супруга тоже не были исключением. При других обстоятельствах Гуров непременно поинтересовался бы у красавца причинами такого поведения, но сейчас он счел за благо не поднимать лишнего шума. Неразберихи в этом доме и без того хватало.

Был здесь еще один не вполне понятный Гурову человек – средних лет, среднего телосложения, прилично, но без изысков одетый, с обыкновенным круглым лицом, предпочитающий по любому поводу добродушно отшучиваться. Этого звали Виктором Денисовичем Щегловым.

Третий гость, которого звали просто Владислав, или Владик, насколько мог понять Гуров, тоже приходился хозяину

родственником, — кажется, двоюродным племянником. Он явно чувствовал себя здесь не в своей тарелке, нервничал и оттого вел себя на редкость развязно, слишком громко разговаривал, слишком много хвастался, то и дело намекая на таинственные связи и могущественных покровителей. Самым любимым его выражением было: «Порву, как Тузик грелку!». Всерьез его никто не воспринимал, особенно после того, как Водянкин вскользь обронил, что Владик работает в одном из южных городов спасателем на пляже.

Кроме гостей и хозяев, в доме присутствовали управляющий с женой, дворник, работавший по совместительству садовником, конюх и повар. Когда Гуров простодушно удивился, все ли художники живут на широкую ногу, Мария отвела его в сторону и растолковала, что Булавин пишет портреты важных персон, которые платят за это бешеные деньги, и, разумеется, это доступно не каждому художнику. Гуров выразил желание ознакомиться с работами хозяина дома, и Водянкин пообещал показать гостям картины мастера после обеда.

Обед, на котором хозяева не присутствовали, прошел несколько скованно, хотя Водянкин, исполнявший роль главного, говорил без умолку. В основном он ругал современное искусство, называя его жалким и ублюдочным. Угнетенным или напуганным он не выглядел, и Гурову это показалось странным. Но еще более странным показалось ему появление в «замке» еще одного человека, который подье-

хал к воротам на запыленной «девятке». Его также встречал Водянкин, но без шума и разговоров об искусстве. Гуров как раз вышел на веранду подышать свежим воздухом и видел, как эти двое спешным шагом проследовали в то крыло, где отдыхал Булавин. На врача новый гость похож не был – скорее на чиновника или нотариуса. «Грешным делом, не помирать ли собрался наш живописец? – недовольно подумал Гуров. – Это было бы совсем некстати. Однако Крячко был совершенно прав – задерживаться здесь нет никакого смысла. Хотя обед был несомненно хорош».

Вскоре погода начала портиться. В сгустившихся тучах проскакивали короткие яркие молнии. Сильный ветер помчался над котловиной, зашумел в кронах деревьев. Из глубины души Гурова постепенно поднималась неясная тревога, причины которой он не понимал. Но место, куда он попал, ему не нравилось.

ГЛАВА 3

Остаток дня прошел совершенно бестолково и тягостно. Гуров чувствовал себя так, словно находился на вокзале в ожидании поезда, точное время прибытия которого было никому не известно. Прочие гости вряд ли чувствовали себя лучше. Даже возможности прогуляться по окрестностям у них не было – после обеда разразилась гроза, пошел сильный и долгий ливень, и все были вынуждены засесть в темных неуютных помещениях «замка». Однако каждый старался развлечь себя чем мог. Правда, хозяина по-прежнему не было, да к тому же куда-то пропал «центр вселенной», господин Водянкин. Он исчез по-английски, ничего никому не объясняя. Но если прочие гости уже несколько освоились в обители живописца, то Гуров просто не знал, куда себя девать. Хорошо еще, заботу о Марии взяла на себя красавица хозяйка. Она появилась так же внезапно, как исчез Водянкин, и с обворожительной улыбкой предложила Марии «посекретничать» за чашечкой кофе. При таком раскладе Гурову на кофе надеяться было бесполезно, и он присоединился к мужчинам, которые спустились подальше от непогоды – в бильярдную и там, лениво катая шары, курили и развлекали себя хозяйским виски. Гуров вспомнил напутствие полковника Крячко и тоже влился в компанию.

Разочаровался он довольно быстро, потому что в цен-

тре внимания упорно пытался оказаться Владик, который, яростно орудуя кием, со злорадным смехом рассказывал истории из своего бурного южного опыта, которые почти все заканчивались одним и тем же рефреном: «И тогда я порвал его, как Тузик грелку!» Партнеры в основном помалкивали и только улыбались этим рассказням – Щеглов добродушно, а блистательный Волин – презрительно и надменно. Все попытки Гурова перевести беседу на темы сегодняшнего дня окончились неудачей. Из вежливости мужчины поинтересовались работой Гурова, но, узнав о том, что он делает бизнес на игрушках, интерес быстро потеряли.

К ужину, однако, вышел Булавин собственной персоной, бодрый и сияющий. Видимо, кризис остался позади. Булавин шутил, произносил тосты и отпускал комплименты дамам, не забывая и о красавице жене. Обе дамы отвечали ему улыбками и шутливо просили уделять внимание и другим гостям. Булавина, впрочем, хватало на всех. Он благодарил за оказанную ему честь и обещал сделать все, чтобы гости чувствовали себя в «замке» как у себя дома.

В последнем Гуров сильно усомнился. Болезнь хозяина, непогода, странные отношения с некими нуворишами – все это сильно осложняло ситуацию и не располагало к спокойствию.

Человек, приехавший на «девятке», тихо и незаметно исчез. Улучив минуту, Гуров проверил пространство за воротами – «девятки» там уже тоже не было. Определенно врачи

так себя не ведут. Для чего же появлялся здесь этот человек? Гуров немного поломал голову над этим вопросом, но потом решил, что здешние тайны его не касаются. Ему еще сильнее захотелось домой, в Москву.

Под вечер они сумели наконец уединиться с Марией в отведенной им спальне, в западном крыле дома, окна которой выходили в молодой сад, изрядно потрепанный дождем и ветром. Этот сад по всем правилам искусства пытался возвести садовник, работавший у Булавина еще и дворником. Возможно, финансовые возможности художника были все-таки не безграничны, а, возможно, кадровый аскетизм объяснялся тем, что Булавин брал на работу только тех, кому доверял на все сто процентов. Пока же сад зиял проплешинами, и не все дорожки и аллейки были доведены до совершенства.

– Завтра вечером будет, собственно, тот торжественный сабантуй, ради которого нас сюда и пригласили, – сообщила Мария Гурову. – Оказывается, Эраст пригласил также и городское начальство. Будет кто-то из комитета культуры, мэр и даже, по-моему, прокурор. Надеюсь, последний не раскроет твое инкогнито?

– Гори оно синим огнем, это инкогнито! – махнул рукой Гуров. – Никогда не ощущал себя так неловко, как в доме твоего родственника. Почему-то меня не покидает ощущение, что все мы тут играем в какую-то сложную игру, правила которой никому не известны.

– Мне самой чудится что-то в этом роде, – вздохнула Мария. – Только в соответствии с профессиональными наклонностями я кажусь себе участницей какой-то пьесы. Знаешь, мы сейчас долго говорили с Ириной, женой Эраста. Масса обаяния, душевности, белозубая улыбка, доверительные интонации – и ноль информации. Ну, кроме той, что она без ума от своего мужа и волнуется за его здоровье. Такое впечатление, будто я слушаю текст на прогоне. Сомневаться вроде бы неприлично, но я не верила ни одному ее слову.

– Ну да, браки между людьми разного возраста всегда вызывают подозрения, – согласился Гуров. – Но ведь бывает, что женщину покоряет личность мужчины, который гораздо старше ее, его талант; его надежность, наконец. Взять хотя бы наш брак...

– Ну что ты говоришь, Гуров! Это совсем другое! Со мной ты ведь в самом деле мог рассчитывать только на свои личные достоинства. Ты же не в состоянии содержать даже дворника – про повара я уже не говорю! Ты взял меня на голое обаяние, это же очевидно. А в этой женщине я угадываю какую-то фальшивую ноту...

– Знаешь, скорее всего, мы с тобой просто устали, – решил Гуров. – Перенервничали, устали, вот нам и мерещатся всякие скрытые помыслы. На самом деле нам в некотором роде оказали честь, пригласив на юбилей... Кстати, а что за юбилей – мы ведь этого так и не выяснили?

– Ну почему же? Сорок лет профессиональной деятельно-

сти, – улыбнулась Мария. – Это все-таки не полвека, поэтому круг приглашенных достаточно узок. Но совсем без торжества Эраст не может. Он очень тщеславен, хотя старается этого не показывать.

– Тем не менее, довольно странный подбор гостей, – заметил Гуров. – Ну, допустим, мы с тобой родственники. Ты к тому же – знаменитая родственница. Но Владик? Мне кажется, он мог оказаться здесь только случайно...

– Ты не прав. Эраст хорошо относится к этому молодому человеку. Он вообще любит помогать людям несмотря на свой непростой нрав. Ирина сказала, что он обещал пристроить Владика в Москве.

– Допустим. Но кто такой этот добряк, рубаха-парень Щеглов? Кто такой этот герой-любовник Волин? На искусствоведов они не похожи.

– Наверное, Эраст нуждается в их обществе, – пожала плечами Мария. – Хотя в разговоре Ирина говорила об этих двоих как-то мельком, словно о людях, которые действительно попали сюда случайно...

– Вот и я про то же. Зато не случайно сюда попал человек, который приехал на «девятке». Кажется, твой Эраст провел с ним немало времени. Мне подумалось, что тут и болезнь прищлась очень кстати. Вообще меня не покидает ощущение, что живописец не зря здесь поселился. Он ведет какую-то весьма насыщенную активную жизнь, никак не связанную с его основной профессией. Тебе не кажется? Ка-

кие-то нувориши, мэр, прокурор, «скорая помощь»...

– Если тебе интересно, то попробуй завтра спросить его самого, – предложила Мария. – Возможно, он посвятит тебя в свои планы.

– Да ну, неудобно, – отмахнулся Гуров. – Да и ни к чему мне это, по большому счету. Просто любопытство одолело. Тоже своего рода профессионализм.

– Наверное, какие-то проблемы, связанные с недвижимостью, – предположила Мария. – Такая солидная постройка вряд ли обошлась без каких-нибудь нарушений. А Эраст теперь подчищает концы, которые остались от прежних хозяев. Так часто бывает.

– Наверное, – пожал плечами Гуров. – Я же говорю, что это не наше дело. Но в целом я как-то не очень вдохновлен этой поездкой. И погода еще...

Действительно, погода не радовала. Снова пошел дождь. Гуров выглянул в окно и с неудовольствием уставился на мокнувший в сумерках сад.

– От этого пейзажа просто скулы сводит, – сказал он с досадой. – А если еще и вспомнишь, что на машине разбита фара... Кстати, наш благодетель господин Водянкин так и не сдержал своего обещания – никакого ремонта, никаких автомехаников... Похоже, так и придется самому решать этот вопрос.

– Утро вечера мудренее, – возразила Мария. – Сам видишь, что творится на улице. Завтра он наверняка сдержит

свое обещание. Кстати, этот «Шевроле» его... И надо признать, Станислав Петрович повел себя благородно. Ни малейшего раздражения. Он даже ни разу не воскликнул: «О, моя машина!», что было бы совершенно естественно. Нет, он определенно благородный человек. А насчет пейзажа... Ты еще не знаешь, что прямо за забором расположено городское кладбище. Старое городское кладбище, на котором, правда, уже не хоронят, но тем не менее... Представь себе подобное соседство. Все-таки навевает некие философские мысли, согласишься? Ирина слегка коснулась в разговоре этой темы. Как будто бы местные денежные мешки намерены затеять здесь большое строительство, а наш Эраст собирается им активно противостоять. Могилы предков и все такое... Точно ничего не знаю, но, кажется, конфликт именно в этом. Были такие намеки в разговоре. И тот черный внедорожник, встреча с которым едва не стоила нам пары месяцев на больничной койке, как раз имеет отношение к одной из строительных компаний. Видимо, и следующий гость, про которого ты говорил, тоже в этом замешан. Так что, как видишь, несмотря на возраст Эраст Леопольдович не сдается, подтверждает репутацию борца.

— Ага, вот значит, как! Ну что же, тогда становится понятным завтрашнее приглашение мэра и прокурора. Укрепление вертикальных связей. Хотя, наверное, не одна память о предках тут имеет значение. Мне бы тоже не понравилось, если бы в моем тихом уголке вдруг начали забивать сваи...

– Одно другому не мешает, Гуров! – миролюбиво сказала Мария. – Но наша роль здесь, видимо, тоже предопределена. Наверное, известная и любимая зрителями актриса Строева должна помочь раздобыть ключик к сердцу сильных мира сего – наверняка же здесь смотрели фильмы с моим участием.

– Да уж надо полагать! – усмехнулся Гуров. – А я все ломаю голову, почему вдруг Эраст так настойчиво стал зазывать тебя в гости! А у него свой сюжет в голове!.. Ну что же, доброму делу помочь не грех... Ах, дьявол, а это что такое?!

Гуров уже собирался опустить штору и отойти от окна, как вдруг среди растрепанных мокрых деревьев увидел человеческую тень. Человек явно перебрался во двор через высокий забор со стороны кладбища и теперь двигался через сад к дому. Его не смущали ни ливень, ни грязь под ногами. Он держался так невозмутимо, будто прогуливался по парку в солнечный полдень. Однако он вовсе не был беспечным и на окно спальни с приподнятой шторой внимание обратил. Гуров и Мария не зажигали в комнате света, но со двора при хорошем зрении даже в сумерках можно было различить, что кто-то стоит у окна. Незнакомый заметил Гурова и постарался тут же исчезнуть, прильнув к стволу ближнего дерева. Одет он был во все темное и наверняка бы слился с окружающим сумраком, если бы Гуров сразу не увидел его.

– Послушай, кажется, они легки на помине! Эти самые злодеи, покушающиеся на память предков, – с тревогой сказал Гуров, не оборачиваясь. – В саду торчит кто-то посто-

ронний. Ты можешь себе представить, чтобы в такую непогоду человек пришел в чужой двор с добрыми намерениями? Я лично не могу.

Мария невольно приподнялась со своего места. Она сидела на расстеленной кровати, в воздушном пеньюаре. Ее великолепные темные волосы свободно рассыпались по плечам. Смутно белеющее в темноте лицо выражало тревогу.

– Надо предупредить кого-то! – неуверенно произнесла она. – Я слышала массу страшных историй про эти строительные корпорации. Они нанимают людей, которые занимаются поджогами и запугиваниями. А вдруг...

– Ты слишком много смотришь телевизор, – быстро сказал Гуров. – Такую махину сжечь сложновато, особенно в сильный дождь. Но в целом мне этот скромный товарищ не нравится. Сжечь у него, конечно, ничего не получится, но вот что касается второго пункта – запугать... Как-никак, а один раз «скорая» сюда уже приезжала. Здоровье у нашего юбиляра не самое крепкое. Мне кажется, я должен вмешаться.

– Что ты имеешь в виду, Гуров? – озабоченно поинтересовалась Мария. – По-моему, самым разумным будет найти кого-то из обитателей дома – возможно, управляющего – и сообщить ему о том, что происходит. Не собираешься же ты...

– Именно собираюсь! – возразил Гуров. – Пока мы будем бегать и искать управляющего, этот тип уже натворит дел. Да

я и не собираюсь предпринимать ничего особенного. Просто открою сейчас окно и спрошу, что он тут делает. Вот увидишь, решимости у него сразу же поубавится, и он постарается побыстрее убраться отсюда.

– Смотри, Гуров, а вдруг это кто-то из obsługi? Или вообще кто-то из гостей? Мало ли какие у кого причуды?

– Вот и узнаем, – заявил Гуров, с треском распахивая раму окна и выглядывая наружу. – Эй, товарищ! Что мы тут делаем, а? Если заблудились, я могу подсказать дорогу!

Крупные холодные капли, подхваченные ветром, мигом вымочили его голову и плечи. Угрожающе загудел вымокший сад. Но все это было сущими пустяками по сравнению с тем, что произошло мгновением позже. Человек, притаившийся за деревом, чуть выступил вперед и сделал правой рукой вращательное движение, словно заводя какую-то невидимую рукоятку. В сумраке и в потоках дождя Гуров практически ничего не разглядел, кроме этого движения, но оно вызвало у него единственно верную реакцию, выработавшуюся в течение долгих лет преследований и единоборств. Мозг еще переваривал увиденное, а натренированное тело уже само нырнуло в сторону и вниз. Точно на тренировке, Гуров упал на вытянутые пальцы, и тут же в правую половину оконной рамы врезалось что-то твердое и стремительное как пуля. Осыпав Гурова осколками мокрого стекла, снаряд со свистом пролетел через всю спальню, ударился в стену, отскочил и развалил надвое высокую фарфоровую вазу, в которой

благоухали садовые тюльпаны. Разбитая ваза рухнула на пол. Мария вскрикнула.

– Спокойно! – крикнул Гуров, одним броском поднимаясь на ноги. – Найди управляющего!

Он одним махом перекинул тело через подоконник и прыгнул вниз в глухой, пронизанный дождем сумрак. Сгорая он совсем забыл, что давно переобулся в шлепанцы. Теперь эта ненадежная обувь подвела его. Поскользнувшись на раскисшей земле, Гуров упал. Но тут же, чертыхнувшись, вскочил и, сбросив с ног шлепанцы, бросился в погоню за незнакомцем. Мокрые ветки хлестали по лицу, в подошвы врезались какие-то мелкие острые камешки (откуда они здесь взялись?), а тот, кого он преследовал, имел уже приличную фору. Видимо, разбив окно, он посчитал на сегодня свою миссию выполненной и сразу ударился в бег. Гуров все еще бежал среди молодых деревьев, а тень незнакомца уже маячила возле казавшейся неприступной стены забора. Гуров торопился изо всех сил, и у него возникла надежда, что ограда и в самом деле окажется для беглеца серьезной проблемой. Об опасности он не думал. Человек, который бьет окна, вряд ли решится на что-то более серьезное. Обратное тоже, как правило, бывает верным. Гуров таким образом успокоил себя, но в глубине души у него ворочался червячок сомнения – предмет, который задулил в окошко незнакомец, был выпущен с такой силой и точностью, что сложно было считать эту акцию банальным хулиганством.

Этот бросок был рассчитан на поражение, и лишь реакция Гурова спасла его от серьезных неприятностей.

Но все это пока отошло на второй план. Гуров думал лишь об одном – ему хотелось познакомиться с ночным гостем покороче. Сейчас он был в своей стихии, и даже непогода со всеми сопутствующими неприятностями не слишком расстраивала его. О последствиях он не думал совсем.

К его сожалению, незнакомец тщательно подготовился к своему визиту. Судя по всему, на ограде был укреплен специальный трос, по которому беглец в считанные секунды взобрался на забор, вытянул трос за собой и, не обращая никакого внимания на суетящегося внизу Гурова, точно театральный дьявол, провалился в темноту за каменной стеной.

Гуров немедленно повернул назад и помчался к дому. Обогнув его, он добежал до ворот и после некоторой заминки сумел отпереть калитку. У него еще оставалась надежда, что чужак прибыл сюда на автомобиле и, возможно, позабыл замаскировать номер.

Но, выскочив за пределы «замка», Гуров быстро убедился, что вокруг на протяжении как минимум километра не просматривается ни одного огонька и ни одной машины. Над дорогой выл ветер и закручивал спиралями дождевые потоки. Уже с меньшим энтузиазмом Гуров потрусил вдоль забора, чтобы найти место, где совершил проникновение незнакомец.

Он нашел это место, но ничего примечательного там, ко-

нечно же, не оказалось. Беглец давно «сделал ноги». Гуров в сердцах сплюнул и дернул себя за мокрые волосы. Он чувствовал себя так, будто его только что подло и беззастенчиво надули. Вокруг расстилались стремительно темнеющие пустоши, неподалеку угрожающе шумели какие-то заросли, совсем далеко за стеной дождя слабо переливалось сияние ночного города. Гуров стоял посреди этого великолепия насквозь промокший, босой, выпачканный и злой, как черт. Однако, подумав хорошенько, он призвал себя одуматься.

– В сущности, какое тебе дело до того, что здесь происходит? – сказал он вслух. – Мария была права – достаточно было поставить в известность управляющего. Со своим уставом в чужой монастырь не лезут. Ты здесь всего лишь продавец игрушек, запомни это!

Гуров невольно хохотнул и повернул обратно. Наверное, выгляжу я до предела нелепо, подумалось ему. Еще не хватало, чтобы меня теперь подняли на смех. Муж знаменитой актрисы, который бежит по ночному саду в погоне за призраками. Это смешно.

Гуров не успел еще как следует обдумать этот аспект ситуации, как вдруг из-за угла на него выскочила накрытая огромным колпаком тень. На секунду тень озарилась ярким лучом карманного фонарика, но тут же свет опять померк.

– Да боже мой! – завопила тень голосом господина Водянкина. – Вы же схватите воспаление легких! Давайте же скорее под зонт!

Действительно это был Водянкин – в толстом халате, в резиновых сапогах и с широченным зонтом в руке. Вплотную подойдя к Гурову и прикрыв его сверху углом зонта, он воскликнул:

– Вы поступили очень необдуманно, дорогой мой! Нет, это положительно невозможно! А если бы с вами что-то случилось? Ваша очаровательная супруга рассказала такое... Разве можно? Выпрыгнуть в окно! Разве вы Подколесин? А если бы у этого негодяя, который забрался в сад, был обреза? Вы знаете, что всего две недели назад здесь на старом кладбище застрелили из обреза сразу двух человек? Убийцу до сих пор не нашли! А вы посреди ночи, в незнакомой обстановке...

– На кладбище? – переспросил Гуров, останавливаясь. – А кстати, где оно, кладбище?

– Да вот же, будь оно трижды неладно! – сердито сказал Водянкин, тыча рукой в сторону зарослей. – Выбрал, понимаешь, место! Мороз по коже! Я разубеждал его, но... Упрям, как тысяча ослов! Если вбил себе в голову какую-нибудь глупость, ни за что не отступится!.. Так вы не стойте, не стойте!.. Сейчас сразу горячую ванну, потом стаканчик чего-нибудь согревающего и к жене под бочок! И уж, пожалуйста, больше не устраивайте нам этих сцен в духе плаща и шпаги, ха-ха!.. Мы все так переволновались за вас... Меня чуть инфаркт не хватил, честное слово!

– Переволновались за меня? – удивился Гуров. – Почему

за меня? Я посторонний. Вас разве не взволновало появление в саду чужого в такой час? Ведь не просто так он сюда забрался!

— Кто его знает, чего он сюда забрался? — рассудительно заметил Водянкин. — Положа руку на сердце, скажу, что на его месте я бы и сам сюда забрался. Взять есть чего. Думаете, это первый раз? Русский народ, он всегда чужое добро считает немного своим. Это во все времена так было, и сегодня ничего не изменилось. Мы не обращаем внимания. Если, конечно, дело коснется чего-то серьезного... Например, у Эраста два жеребца — подарок одного знатного араба. Стоят баснословных денег. Вот за них Эраст сам кого угодно растерзает. Как это Владик говорит — порвет, как Тузик грелку... Но в данном случае, я думаю, речь шла о какой-нибудь мелочи.

— Может быть, — спокойно сказал Гуров. — Хотя мне показалось немного странным, что мелкий воришка с таким мастерством и остервенением высадил в нашей спальне окно. Для вора поступок довольно неожиданный. Больше похоже на угрозу, по-моему.

— Вы думаете? — спросил, засопев, искусствовед. — А знаете, возможно, вы и правы. Эти наглые, без стыда и совести нувориши... Только не надо сейчас об этом, ладно? Эраст еще не пришел в себя после их утреннего визита. А завтра торжество. Нет, положительно сейчас не стоит об этом... Давайте пока как-нибудь с юмором, ладно?

Гуров обернулся. Теперь за каменной стеной ограды тем-

ного пятна старого кладбища не было видно, но его присутствие ощущалось и создавало гнетущее ожидание непонятной беды. Но, возможно, это просто сказывалось нервное напряжение последних часов.

– Ага, – согласно кивнул Гуров. – Я и сам подумал, что шум поднимать не имеет смысла.

ГЛАВА 4

Виктор Дмитриевич легко спрыгнул в неглубокий овражек и, слегка пригибаясь, легко побежал по направлению к старому кладбищу. В темноте и под дождем его непросто разглядеть даже с десяти метров, а тот придурок, что погнался за ним, отстал намного. Стену ему не преодолеть, а пока организуется погоня, сам он будет уже далеко. Да и сыскать его в ночной кладбищенской глухомани – дело практически безнадежное. В этом смысле кладбище расположено на редкость удачно. Сделал шаг – и ты вроде бы уже в Зазеркалье. Обычно люди с большой неохотой суют нос к мертвецам. И тот, кто на это решается, сразу получает преимущество. В каком-то смысле он будто напитывается той жутью, которая исходит от покойников. На самом деле все это вопрос воли и разума, но люди любят себя запугивать. Что ж, это ему на руку. Он мертвых не боится. Среди них тоже бывали людишки оторви да брось, но все, что было в их силах, они давно показали. Больше им показывать нечего. Сейчас черед живых, размышлял на ходу Виктор.

Проникнув за развалившуюся ограду кладбища, протиснувшись через мокрые кусты и оказавшись на узкой черной аллее, Виктор Дмитриевич совсем успокоился. Да и не должно быть никакой погони. По первому разу не должно. А вообще говорили, этот мазила – человек с большими возмож-

ностями. При желании может подключить к своим проблемам кого угодно. Но сейчас из пушки по воробьям никто стрелять не станет. Хотя нервишки он наверняка им пощекотал. Проникновение на территорию – это всегда действует. Как говорится, мой дом – моя крепость. Но лишь только это заблуждение развенчивается, как человек начинает сильно нервничать, пить валидол и прислушиваться к каждому стуку. А неприятности, они имеют свойство накапливаться, как радиация. Глазом незаметно, а груз все тяжелее и тяжелее. И однажды сердце не выдерживает... Хотя, как ему рассказывали, этот сукин сын вполне еще в форме – на лошади даже катается. Говорят, настоящий арабский скакун у него. Если добраться до него и, допустим, чиркнуть ножичком по суставу... Все равно, что чемоданчик с деньгами в печку бросить. От такого даже у молодого сердечный приступ может случиться. Но, во-первых, это слишком откровенно и целенаправленно, и никому не понравится. Из-за породистого скакуна может возникнуть слишком большой шум. Примчатся менты, начнут шарить... Нет, договаривались о другом. Все должно быть неясно, исподволь, по нарастающей, как в фильме ужасов. Чтобы ни одно конкретное лицо не всплыло.

Виктор Дмитриевич углубился в черные лабиринты могильных рядов настолько, что уже почти ничего не видел. Дождь начал стихать. «Ну что же, теперь ты мне и не нужен, – подумал Виктор Дмитриевич. – А ведь была такая надежда, что за дождем меня ни одна собака не заметит. Не спалось

какому-то сукину сыну!»

Виктор Дмитриевич прекрасно ориентировался на местности. В планировке кладбища за несколько дней он уже неплохо разобрался и мог передвигаться по нему почти что с закрытыми глазами. Он даже устроил для себя под старой могильной плитой небольшой тайничок, куда потихоньку перетаскал необходимое снаряжение. Не ходить же взад-вперед из города с сумкой, в которой лежат подозрительные предметы, больше подходящие для члена альпинистской группы или профессионального вора. Сейчас Виктор Дмитриевич находился как раз возле этого тайника. Но темень здесь была непроглядная.

Он зажег специальный, в непромокаемом корпусе фонарик и отыскал могильную плиту. Под ней в небольшой яме была спрятана непромокаемая сумка. Туда Виктор Дмитриевич отправил моток прочного троса и прочие приспособления для штурма стен и неприступных скал. Теперь нужно было незаметно возвратиться на окраину города, где он снимал квартиру у нелюдимой пожилой женщины, которая называла себя попросту Петровной и жила в частном доме вдвоем с племянником. Адресок Виктору Дмитриевичу дал тот, кто предложил ему эту щекотливую работу. Хозяйка была этому человеку чем-то обязана и согласилась принять нового квартиранта. Правда, без радости, но и без разговоров. Вообще-то мерзкая баба, с какой стороны не посмотри. Грубая, жадная и себе на уме. И все бы ничего, он привык ужи-

ваться с кем угодно. Но на этот раз судьбе было угодно устроить для него пакостный сюрприз.

Едва Виктор Дмитриевич разыскал нужный адрес, искусно провел переговоры с неприветливой хозяйкой, заплатил аванс и стал обживать на новом месте, как появился ее племянник, мерзкий подросток, лет семнадцати. Был он сильно пьян и зол, как собака. Едва зайдя во двор, поругался с теткой, дал пинка кошке и опрокинул ведро с водой. После чего отправился спать в свою комнату. Виктора Дмитриевича, у которого был отдельный вход, юноша не видел, а тот рассмотрел его прекрасно и остался весьма недоволен. Беглого взгляда было достаточно, чтобы признать в этом дебиле того коротышку, которого Виктор Дмитриевич среди прочих встретил и отколотил на кладбище. Вне всякого сомнения, это он и был – грязный, исцарапанный, с безобразно распухшим и посиневшим носом. Наверняка затаивший лютую злобу на своего обидчика. И надо же было такому случиться, что этот урод занимал на земле как раз то место, куда выпало поселиться Виктору Дмитриевичу! Такая ситуация была чревата неожиданностями. Но съезжать с квартиры из-за юного подонка было тоже не самым лучшим выходом – выглядело бы это совсем подозрительно. Оставалось уповать на удачу и силу убеждения.

«А вообще все складывается на редкость погано, – размышлял он. – С самого начала. Это не Глинск, а просто Гнильск какой-то! И что же мамаша этого ублюдка не сде-

лала вовремя аборт? А вариантов теперь только два – или убить, или приручить. Убить – слишком много хлопот, значит, придется приручать. Только этой заботы мне не хватало. Хотя...»

Ему пришло в голову, что банда придурков, которая вообразила себя хозяевами кладбища, может быть ему полезной. Одного придурка он уже слегка прикормил. Тот посмекалистее остальных и наверняка захочет еще денег. А заниматься ему придется примерно тем же самым, к чему он привык, – только под чутким руководством Виктора Дмитриевича. Как он сказал – стремно, повязать могут? Если с головой действовать, не повяжут. А и повяжут, так не его же! Вот только опять совсем некстати получается это соседство с Костиком (так звали соплика, которому Виктор Дмитриевич едва не оторвал нос). В случае чего вся эта сволочь укажет пальцем прямо на него, и если к тому времени не удастся убрать-ся отсюда, все может обернуться катастрофой. Значит, все нужно обдумать как следует. И, Виктор Дмитриевич решил, что поступит следующим образом – постарается не встречаться нос к носу с Костиком как можно дольше. При образе жизни этого подонка задача вполне выполнимая. Мальчишка шляется по улицам день-деньской, курит «дурь», пьет пиво без меры и, видимо, занимается чем-то незаконным, потому что все эти увлечения стоят немалых денег. Таким образом, Виктор Дмитриевич сохранит свое инкогнито, но идею управлять молодежной бандой не бросит. Он займется этим

исподволь — через Свина. Придется вступать в контакт и с остальными, но это будет происходить не на территории Костиной тетки. А для этой компании он так и останется загадочным незнакомцем, про которого они будут слагать небылицы — одну другой чудовищнее.

Что же, он прожил в доме неприветливой хозяйки почти неделю, а ее непутевый племянник с распухшим носом так еще и не понял, кого приютила под своей крышей тетка. Выяснилось, что в трезвом виде он боится своей родственницы, как огня. На следующее после прибытия утро Виктор Дмитриевич видел его через окно своей комнаты. Тетка отчитывала Костика, уперев руки в бока и не стесняясь в выражениях, а тот, словно побитый щенок, прятал глаза и прикрывал ладонью синий, как слива, нос. Должно быть, она категорически запретила племяннику совать этот нос в дела постояльца. Все остальное время Костик до темноты где-то шлялся, и они ни разу не встретились. Это вполне устраивало Виктора Дмитриевича. Он не торопился возобновлять контакт и со Свином. Дело было слишком серьезным, и сначала нужно было самому разобраться во всех деталях.

Виктор Дмитриевич хорошо присмотрелся к кладбищу, к особняку Булавина, выяснил примерное количество проживающих там и наконец решил нанести ночной визит. Неожиданно испортилась погода, и город со всеми окрестностями стал добычей проливного, почти тропического дождя. В такую погоду можно было почти без опаски проникнуть хоть

на атомную базу. Но окончательный расклад вышел против него – какой-то не в меру ретивый гость попытался его поймать. Настырный сукин сын не испугался ни непогоды, ни пущенного в него снаряда. А приложить его Виктор Дмитриевич мог крепко. Это был его излюбленный трюк – небольшая кожаная праща, с помощью которой он метал стальные шарики размером с голубиное яйцо. Два-три таких шарика всегда лежали в кармане его куртки, на всякий случай. Несмотря на свою примитивность оружие могло быть страшным. Меткость и сноровку Виктор Дмитриевич в себе развил исключительную, и при попадании шарика в цель у противника не оставалось никаких шансов. Единственный недостаток этого способа заключался в том, что все-таки на него можно было среагировать, и этот тип среагировал. Но в конце концов Виктор Дмитриевич был доволен собой – элемент тревоги он внес, следов не оставил и от погони ушел. Для начала неплохо.

Но это самоощущение у Виктора Дмитриевича поколебалось, едва он добрался до жилища Петровны. Несмотря на поздний час и все старания пробраться на свою половину незамеченным хозяйка поймала Виктора Дмитриевича во дворе и, несколько не удивившись тому, что ее постоялец разгуливает под проливным дождем, предупредила нелюбезным тоном:

– Там у тебя человек сидит в комнате. Не натвори чего с перепугу-то! Знакомый это твой. Понадобился ты ему сроч-

но. С полчаса уже как дожидается.

Никаких знакомых здесь не могло быть, кроме одного человека, и Виктор Дмитриевич увидел именно того, кого и ожидал увидеть. Правда, узнать его сейчас было трудно. Виктор Дмитриевич не помнил, чтобы он видел его прежде в таком наряде – грубые башмаки на толстой подошве, бесформенные брюки, брезентовая роба до колен. На столе валялась плоская кожаная кепка. Насупленное лицо выражало предельную скуку и нетерпение. Увидев на пороге Виктора Дмитриевича, человек буквально подскочил на стуле и с жаром воскликнул:

– Ну, наконец-то! Где ты шляешься, Липа? Мне стоило таких трудов выбраться сейчас из дома! Пришлось придумать целую историю, будто срочно понадобилось отправить телеграмму. И вот теперь я сижу здесь в этом клоповнике и ожидаю твою персону! А на улице, между прочим, дождь и слякоть...

– Я в курсе, Швед, – сухо сказал Виктор Дмитриевич. – Я проделал тот же путь, что и ты – только на своих двоих. Между прочим, я занимаюсь этим по твоему желанию, разве нет? И вообще, какого черта ты сюда приперся? Я понимаю, что хозяйка тебе хорошо знакома, но все равно ты поступил неразумно...

– А ты разумно?! – завопил гость. – Я тебя нанял не для того, чтобы ты как мальчишка бил окна! Что за идиотизм? Переполошил весь дом, поднял на ноги гостей...

– Что-то я не пойму. А разве не в этом заключалась главная идея? – спросил, набычившись, Виктор Дмитриевич. – Создать нервность, ощущение беды...

– Нет, ты форменный идиот! Я был о тебе лучшего мнения! Ты никого не напугал, кроме женщин. И что это вообще такое – придурок с рогаткой? Завтра Булавин капнет начальнику милиции, и тот еще, не дай бог, отрядит к нему участкового! Согласен, он сам терпеть не может милиции, но и его терпению когда-то придет конец. Нет, это совершенно невозможно! Ты должен был подготовить мистический ужас, и мы обговаривали с тобой все детали. Какого черта ты взялся за эту самостоятельность?

– В такой работе никогда не обходится без самостоятельности, – буркнул Виктор Дмитриевич. – Слишком много возникает непредвиденных проблем. Я проник на территорию дома не для того, чтобы бить окна. Но меня заметили, и мне пришлось принять меры...

– Нет, я уже десять раз пожалел, что связался с таким кретином, как ты, Липа! – раздраженно бросил гость.

На скулах Виктора Дмитриевича заиграли желваки.

– Больше не называй меня кретином, – тихо сказал он. – Я этого не люблю. И это последняя такая просьба. Больше я уже ничего говорить не буду.

– Ну извини, погорячился! – сбавил тон Швед. – Поставь себя на мое место! Я был просто вне себя... Ладно, проехали. Я вот еще зачем приехал. Как раз перед твоей эскападой мне

позвонили. Связь ужасная, но, в общем, мы договорились. Они будут здесь рано утром. Мы вместе встретим их на повороте главной дороги и доставим до места. Я должен быть в курсе, где это находится, понятно? А ты должен был найти подходящее место – чтобы рядом и было удобно подойти.

– Я место нашел, – сказал Виктор Дмитриевич. – Но ты учти, что после дождя там будет сыро и грязно, и вообще...

– Это моя забота! – отрезал Швед. – Сейчас сохнет быстро. Если завтра будет хороший день, а он должен быть хороший, то к вечеру вполне можно будет предпринять вылазку. Во всяком случае, после хорошей закусочки люди лучше реагируют на подобные идеи. Главное, чтобы рано утром все было готово. Конечно, дождь нам всем здорово подгадил, но тянуть нельзя. Я и так уже хожу вокруг этого пирога целый год. Сам понимаешь, каково это – ждать. А если все впустую? Если завтра обстоятельства кардинально изменятся? Я не желаю ходить в лузерах! Это не мой стиль, понятно?!

– Я в этом не разбираюсь, – со сдержанным презрением сказал Виктор Дмитриевич. – Мое дело дерьмо разгребать. Такой уж у меня стиль.

– Тебе не на что обижаться, – важно заметил Швед. – Если я получу, что хочу, ты тоже озолотишься. Взаимовыгодное предприятие.

– Посмотрим, – сдержанно сказал Виктор Дмитриевич. – А ты уверен, что никто ни о чем не подозревает?

– В чем можно подозревать положительного человека? –

напыщенно сказал Швед. – Никому и в голову не приходит, с кем они имеют дело! Я не зарываюсь, веду себя прилично и не привлекаю к себе лишнего внимания. Но мои средства тают как снег на солнце, и я не могу больше ждать. Если у нас все получится, то это будут совсем другие возможности, соображаешь?

– Может быть, у тебя и будут, – равнодушно заметил Виктор Дмитриевич. – Я-то тут при чем? Учти, свои деньги я с тебя получу в любом случае! Так что никаких отговорок лучше не готовь. Ничего личного, но бесплатно я в дерьмо не влезаю.

– Об этом не беспокойся. Но давай все-таки будем подходить к делу последовательно, без ненужных заморочек.

– Ты преувеличиваешь свои опасения. Вот увидишь, мое появление в саду принесет эффект. Пока ты тут лепишь чернуху, старика, может быть, уже везут в госпиталь.

– Как же! Возьмешь его на такую мелочь! Еще раз повторяю – массивованная последовательная акция с трансцендентным оттенком. Старик – художественная натура, должен глубоко воспринимать такие штуки. На то и расчет. К тому же органы не склонны верить в мистику. Так что и с этой стороны плюс. Кто забрал у заслуженного деятеля искусств жизнь? Злые духи? Отлично! Значит, так и пишем – смерть наступила от естественных причин!

Виктор Дмитриевич невольно рассмеялся.

– Сладко поешь! Послушать, так все у тебя гладко, как у

бабы на животе, а вот что будет на самом деле...

– То и будет, – важно сказал Швед. – Я в психологии разбираюсь. У меня все нити в руках. Главное, не отклоняться от намеченного плана.

– Тебя не хватятся?

– Я почтенный гость. Беседую с хозяином о лошадях, живописи и оккультных науках. У меня в бумажнике кредитные карты и валюта. В чем меня можно заподозрить? Что я нанимаю пацанов окна бить? Скажу, что отправлял телеграмму, а потом менял колесо – да мало ли, какие могут быть у делового человека причины? Одежда, чтобы переодеться, у меня в машине. Все будет тип-топ, Липа!

– Поверим тебе, – сказал Виктор Дмитриевич. – А ты, случайно, никому не говорил, что родом из этого города?

– Я не враг себе. Коренной москвич – кто бы сомневался! Здесь никто, ни один человек ничего про меня не знает. Кроме хорошего, разумеется. Так что за меня ты не волнуйся. Но я за тобой сегодня проследить должен. Все должно выглядеть естественно до последнего штриха!

– Неужели сам потащишься на кладбище? – усмехнулся Виктор Дмитриевич.

– Я черной работы никогда не боялся! – напыщенно произнес Швед. – Я не всегда был в шоколаде, и тебе это отлично известно!

Это заявление слегка насмешило Виктора Дмитриевича, потому что видок у Шведа был сейчас совсем не шоколад-

ный. Да и его утверждение о любви к черной работе было сильно преувеличено. Виктор Дмитриевич действительно неплохо знал этого человека: всю жизнь тот проворачивал какие-то сомнительные комбинации, не брезгуя при этом подставлять других людей. Правда, самого Виктора Дмитриевича до сих пор это не касалось, и он относился к вероломству Шведа с пониманием. Каждый крутится, как может. Из-за этого Виктор Дмитриевич и вслух ничего комментировать не стал, а предложил перекусить, чем бог послал, прежде чем отправляться на встречу. Швед не возражал – после всех волнений у него разыгрался зверский аппетит. Они поели, слегка покемарили и в четыре утра, когда едва-едва начинало светать, осторожно вышли из дома. Дождь прекратился, но ветер как будто усилился. Он гнал и гнал по небу рваные черные тучи, никак не давая рассвету пробиться сквозь эту плотную завесу. Но это вселило в Шведа надежду, что к утру ветер разгонит тучи и под лучами солнца последствия дождя быстро сведутся на нет. Это было то, что нужно.

Машину свою Швед предусмотрительно оставил за квартал от дома Петровны. Никто не видел тем ранним утром, как двое мужчин, одетых точно грибники, уселись в темную иномарку. Город спал самым сладким предрассветным сном.

С приближением утра Швед все больше нервничал. Его начинали терзать сомнения, успеют ли подъехать те, кого он ждал, найдут ли они место, не перепутают ли маршрут, и достаточно ли верно выполнен заказ, сделанный им.

Они выехали за город и остановились на повороте главной дороги, на краю сумрачного, пропитанного влагой леса. Когда сквозь разрывы в тучах начал проглядывать белый, как молоко, свет, появился серый приземистый фургон с московскими номерами. Заметив стоящую на обочине машину, водитель помигал фарами. Швед помигал в ответ. Фургон подъехал. Из кабины выбрался коренастый сумрачный мужик в кожанке и на кривоватых ногах вразвалочку подошел к иномарке.

– Ну и чего сидим? – спросил он безо всякого пиетета. – Долго будем жопу греть? Мне еще обратно тачку гнать. У меня дел полно.

– Мне на твои дела плевать! – в тон ему ответил Швед. – Тебе хорошие бабки заплачены. Товар привез?

– А чего же я, для удовольствия в эту дыру ехал? – брюзгливо сказал коренастый. – В кузове товар. Можешь убедиться.

– И убежусь! – заявил Швед.

Он вылез из машины и вместе с хозяином фургона пошел проверять груз. Вернулся довольный и с облегчением плюхнулся за руль.

– То, что надо! – объявил он. – Хоть тут все сделали правильно. Теперь с размещением нужно решить вопрос, и дело в шляпе!

Он высунулся в окошко и махнул рукой сидящим в фургоне.

– За нами держитесь! – крикнул он. – Тут недалеко!

ГЛАВА 5

Как бы в компенсацию за треволнения и неприятности прошедшей ночи погода на следующий день установилась великолепная. Утром небо расчистилось, выглянуло жаркое солнце, запели птицы, и только легкий ветер и лужи на асфальте напоминали о ночной буре. «Замок» тоже зажил обычной жизнью, с поправкой, разумеется, на ожидающееся торжество. К некоторому недоумению Гурова и вопреки намерениям Водянкина, про ночное происшествие уже ночью знали все обитатели «замка». Узнали о нем и супруги Булавины. Но на этот раз обошлось без скорой. Более того, художник сразу же нашел Гурова и с пристрастием и любопытством расспросил его про все подробности. Он не поленился заглянуть в отведенные Гурову покои и убедиться, что окно действительно выбито, что ваза погибла, а в стене осталась приличная вмятина от стального шарика размером с голубиное яйцо.

– А ведь он основательно попортил бы вам анатомию, пади эта хреновина вам в лоб! – с непонятым восторгом объявил он Гурову, закончив осмотр. – Но с какой силой пущен снаряд! Это достойно восхищения! С такого расстояния и...

– Да, снаровка налицо, – согласился Гуров. – Снаровка и какое-то приспособление для метания.

– Думаете? – сразу загорелся Булавин. – Гм, это очень похоже на правду. Именно, приспособление. Например, праща, не так ли? Как у героев эпоса.

– Про эпос ничего не знаю. Да и на героя он не был похож. Улепetyивал во все лопатки.

– М-да, пожалуй, в этой ситуации героем проявили себя вы, – согласился Булавин. – Хотя, конечно, чтобы защитить такую замечательную женщину, как ваша жена, не жаль и расстаться с жизнью, не правда ли?

– Не задумывался об этом, – почесал в затылке Гуров. – Кажется, Марии ничего не угрожало... Мне думается, что этот человек хотел что-то украсть. У вас тут много заманчивых вещей. Территория большая, а охраны практически нет. Наверное, у вас часто поворовывают?

– Не задавался таким вопросом, – надменно бросил Булавин. – Серьезного ничего до сих пор не было. Но я знаю, кто это! Это опять они!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.